

УДК 81'37(470.53/531)

ЧТО ПИЛИ И КУРИЛИ В ПРИКАМЬЕ В XVI – ПЕРВОЙ ТРЕТИ XVIII вв.

(по данным лексики пермских памятников письменности)¹

Елена Николаевна Полякова

профессор кафедры общего и
славянского языкознания

Пермский государственный университет

614990, Пермь, ул. Букирева, 15, 32polyakova@mail.ru

По данным лексики пермских памятников письменности XVI – первой трети XVIII в. рассмотрены употребление напитков в Прикамье, роль Перми Великой (Чердыни) в осуществлении торговых связей России с Востоком, появление чая в Пермском крае, значение Прикамья в доставке вина и табака в Сибирь, виды и производство хмельных напитков на месте, источники табака. Исследование дополняет новыми материалами XVI-XVIII вв. отраженный в словарях свод русской лексики, а также наблюдения этнографов над пермскими данными XIX-XX вв. Оно актуально как для истории русского языка, так и для этнографии Прикамья.

Ключевые слова: лексика; ономастика; пить; вино; пиво; курить; никоциан.

Лингвокультурное пространство Верхнего и Среднего Прикамья исследуется по данным лексики и ономастики русских говоров Пермского края [Богачева 2009а; Полякова 2009а; Русинова 2009а; Русинова 2009б; Сироткина 2009а; Сироткина 2009б и др.] и пермских памятников письменности XVI-XVIII вв. [Полякова 2009б]. Лексика и ономастика исследуются в различных аспектах [Богачева 2009б; Зверева 2009а; Полякова 2009в; Русинова 2009в; Шкураток 2009], в частности большое внимание уделяется пермской лексикографии [Богачева 2009в; Зверева 2009б; Русинова 2009г; Сироткина 2009в]. В связи с разработкой пермских словарей активно анализируются различные тематические группы лексики [Зверева 2009в; Полякова 2009г], как основание для системного их отражения в словарях разных типов.

Продолжая изучение лингвокультурного пространства Верхнего и Среднего Прикамья в XVI-XVIII вв. [ср.: Полякова 2009д; Полякова 2009е], обращаемся к анализу тематических групп лексики и ономастики «Питье» и «Курение» в пермских памятниках письменности. По данным современных говоров Пермского края рассмотрены пока только названия напитков [Зверева 2009г].

Отметим сразу, что название темы статьи сформулировано с позиций современного русского языка, в котором слова *пить* и *курить* воспринимаются как однородные члены предло-

жения, называющие действия, с одной стороны, вызывающие удовольствие, с другой стороны, порицаемые в определенных обстоятельствах.

Иная картина представлена в пермских памятниках письменности, в которых глаголы *пить* и *курить* находились в других отношениях. Слово *пить* имело те же основные значения, что и в настоящее время: 1) 'глотать (о жидкости)' – *И она Мавра тот стакан приняв пила²* [КСАУ: 125]³, 2) 'употреблять (о хмельных напитках)' – *Прилучилось де ему Ивашику к нему Антипе идти пить пиво* [КЗСИ: 261]. Основные семы сохранялись и в дериватах от слова *пить*: *выпить* – *Как де ты вино ис того стакана выпьешь и тот де стакан опрочь меня Ивана не отдавай никому* [КЗСИ: 352], *напиться* – *В то де время женишко моя напилась допьяна и вышедши из избы в сенцы спать* [КЗСИ: 71].

Глагол же *курить* обычно называл производство чего-либо (вина, смолы) посредством перегонки: *Прятать де тое трубы ему Кирилу не для чего для того что он Кирило вино сам не курит* [КСАУ: 229]. Это значение проявлялось и в образованиях от него: *куренье* – *И того за ними подрядчиками смотреть накрепко чтоб у них в куренье вина сверх подряду лишняго... не было* [КА: 188], *На винное куренье запасы покупать на стоящую ценою и вино курить самому* [КА: 203]; *винокурня* – *На речке на Усолке на роднике винокурня посадских земских людей* [Ш 2: 151],

У реки Колвы на берегу кабацкая пивоварня да 2 винокурни [Ш 2: 196]. В пермских писцовых и переписных книгах упоминаются **винокуры** и **смольники**: *Житель деревни Верхняя Калина на реке Чусовой Гришка Иванов сын винокур* [К: 145], *Климуша Федоров сын Суседков смольник* [ДАИ 2: 95]. Названия людей по роду занятий дали прозвища, ставшие основой фамилий Винокуров, Смольников, отмечаемых в пермских памятниках: *В Осинской Никольской слободе Баженко Иванов сын Винокуров* [Даш: 59 об.], *Крестьянин Сылвенского острожка Фарафонко Смольников* [К: 129].

Глагол **курить** в его современном основном значении ‘вдыхать дым сгорающего, тлеющего табака’ в исследованных пермских памятниках не встречается, хотя в посланных в Прикамье документах есть словосочетание **табачное куренье**: *Табаком торговать и табачныя немецкие трубки... к тому табачному куренью... привозить* [Ш 5: 244]. В живой речи жителей Прикамья в значении ‘курить’ использовался глагол **пить**: *А тот де табак держит он Байметко про себя пьет а табаком де он Байметко не торгует... и тот де табак у него Байметка на дороге татарин Булатко пил* [КА: 178-179]. Такое значение глагола **пить** отмечается и в пермских источниках XVII в.: *Всекие люди покупали и продавали меж себя и пили табак*, 1664 г. [СлРЯ XI-XVII вв. 15: 61]. Оно долго сохранялось и в говорах XIX в., в частности в пермских [СРНГ 27: 56].

Таким образом, характеризуя ситуацию прошлых эпох, данную статью достаточно было назвать «Что пили в Прикамье XVI – первой трети XVIII в.», однако мы рассчитывали на современного читателя, которого не обязательно должны интересовать особенности старорусского языка.

В пермских памятниках немного свидетельств употребления неалкогольных жидкостей. О воде говорится в основном как о необходимой части для подготовки еды: *Из того пруда всем нам троим на еству и на всякой обиход вода носити* [Ш 2: 319]. О молоке и продуктах из него, которые можно было пить, узнаем лишь из ономастики – некалендарных имен, прозвищ и фамилий XVI-XVIII вв., образованных от их названий: *Крестьянин деревни Очга Андрюшка Молоков* [Я: 26], *Житель Соли Камской Андрюшка Простоквиша* [АПМ: 201 об.], *Крестьянин деревни Шакшер Ивашка Простоквашин* [РСЧ 5: 57 об.].

Есть упоминания о **квасе**: *Свинья розбила у них в доме корчагу с квасом* [КСАУ: 211]. Однако с употреблением кваса связан глагол **хлебать**: *Алексей... у меня был на поле и хлеб ел и квас хлебал* [КЗСИ: 814].

В середине XVII в. в Прикамье появляется упоминание о чае как об очень дорогом продукте. В грамоте 1640 г. царя Михаила Федоровича чердынскому воеводе Остафьеву перечисляются предметы дани мугальских (монгольских) данников, в частности: *Алтына царя дани 200 соболей 2 бобра рыжих 5 рысей отлас черн шит золотом и серебром камка золотная по зеленой земле... камка ж голуба 200 бумажек травы чаю* [Ш 2: 420]. Дань в сопровождении томских служилых людей везли в Москву через Чердынь, где надлежало представить двор для мугальских послов и *приставить к ним сторожей добрых чтобы было их кем уберечь* [там же]. Этот документ свидетельствует о высокой ценности чая. Однако послы и их обслуга везли и свои товары, которые разрешалось продавать. Так чай, пройдя через Сибирь (его отмечают в томских памятниках 1638 г. [СРНДРС: 166]), попадает в Прикамье и, хотя был редкостью, проникает в богатые дома. В первой трети XVIII в. уже отмечается посуда для чая. Так, в соликамской раздельной 1732 г. в части, записанной за Феодорой Суровцовой, читаем: *Посуды сребрянной в подносах во фьялках в чарках в кружках в стопах в стаканах в чайнике с канфором* [Раздельная]. Здесь весьма любопытно употребление слова **канфор**. В исторических словарях **канфор** и **камфор** – ‘металлический сосуд для курения благовонных смол; род жаровни’ [СлРЯ XI-XVII вв. 7: 50], ‘жаровня для обогрева и приготовления пищи’ [СлРЯ XVIII в. 9: 237]. Однако в Раздельной Суровцовой **канфор** назван не отдельно как жаровня или сосуд для благовоний (тогда бы был употреблен предлог *в*), а упомянут как часть чайника. В других источниках и исторических словарях название такого сосуда не обнаружено. По всей вероятности, соликамский чайник с канфором – предок самовара, тем более что подобные предметы, долго сохраняющие горячую воду, делались для казаков, в разъездах охранявших поле (степь). Таким образом, материалы Прикамья могут пополнить данные русских историко-лингвистических словарей.

В памятниках зафиксированы названия хмельных напитков (**брага**, **пиво**, **мед**, **вино**) и лексика, связанная с их производством, хранением и использованием. Все исследуемые названия жидкостей являются общерусскими словами, но есть некоторая специфика в распространении напитков и их употреблении, обусловленная природными и хозяйственными особенностями Прикамья.

Так, слово **мед** как название хмельного напитка отмечается обычно в текстах, составленных приезжими писцами и переписчиками центральных документов: *В Усолье... на посаде же*

намеснику держати кабака а на кабаке держати вино **мед** и пиво [Я: 12 об.]. Из них узнаем о видах хмельных напитков из меда – **мед кислый, мед пресный, мед пряный**: За кабацкие запасы за вино и за пиво и за **мед пресной** и за **кислой**... велѢл платити голове и цѢловалником [Ш 3: 69], Ладану и вина церковного и воску на свѢчи и на ризную подѢлку и рыбы всякой и масла коровьяго и коноплянаго и холстов и поскони и кож и овчин и шуб и **меду пряного** и желѢза и всяких монастырских запасов всего на 350 рублей [Ш 2: 285].

Выяснить, каким было качество каждого вида меда, по пермским памятникам невозможно. Составители «Словаря русского языка XI-XVII вв.» отмечали, что **пресный мед** – «свежий, сырой, необработанный» [СлРЯ XI-XVII вв. 19: 49]. Однако в пермских памятниках натуральный мед называют **сырцом**: Да в ызбе бадья меду **сырцу** [КСАУ: 229]. И можно предположить, что **мед пресный** – название не натурального меда-сырца, а определенного вида напитка из меда.

Судя по памятникам, в Прикамье мед как напиток не был широко распространен. Природа северной части Пермского края была суровой, что отмечается в чердынских и соликамских документах: У них же со 125 [1617] году **мед** не родится и пчелы медвяные померли [Ш 2: 109]. **Медвяным** был Кунгурский уезд, но и там мед как хмельной напиток упоминается в единичных случаях.

В пермских текстах достаточно много упоминаний различных ситуаций, связанных с употреблением хмельных напитков, особенно вина. В административных документах освещены государственные интересы торговли вином и борьба с их нарушителями, в судебных – происшествия, связанные с пьянством. Уже в документах XVI в. предписывалось в городах иметь кабаки и государственную торговлю хмельными напитками. Так, в писцовой книге Ивана Яхонтова 1579 г. читаем: В Усолье... на кабаке держати вино мед и пиво [Я: 12 об.], В Чердыни на посаде на кабаке держати на продажу вино мед пиво [Я: 46]. Кабак называли также **кружечным двором**: На другую ночь ввечеру он де Михайло Середкин с ним Ивашком на **кружечный двор** по вино ходили дважды [КЗСИ: 262].

В текстах XVII в. есть записи о винокурнях, винокуренной посуде, винном курении, винных судах, кубах, котлах, трубах, винных порядчиках, винном погребе, винном подвале, винной продаже, ср.: Да у таможни **погреб винный** да кабака [Ш 2: 151], Близ часовни воеводский дом и приказная изба да тюрьма да застенки камен... **винный подвал** деревян [Ш 5₁: 115], Привезено винокуренной посуды шесть посуд да шесть

труб [РСК 1: 39], А сколько у **винных подрядчиков** к Москве или в города будет отпущено о том писал [КА: 188].

Из Прикамья и других мест вино везли в Сибирь. В Государственном архиве Пермского края хранится свиток 1649 г., в котором зафиксирован царский указ о посылке вина в Сибирские города: От царя и великого князя Алексея Михайловича в Сибирь на Верхотурье воеводе нашему Рафу Родивоновичу Всеволожскому да подьячему Алексею Маркову. По нашему указу велено послать в Сибирские города из Казани с казанских кабаков две тысячи ведр вина да из Нижне-го Новгорода с нижегородских кабаков три тысячи ведр вина и обоего пять тысяч ведр вина горячего. До Соли-Камской – в су[дах]... А от Сол[и]-Камской то казанское и нижегородское вино пять тысяч ведр велено отвезти на Верхотурье усольцам и чердынцам посадским и сошным людям и отдать вам на Верхотурье [ГАПК: 26]. Далее предписывалось послать вино с Верхотурья в Тобольск, Туринский острог, на Пелым и в Тюмень.

Подпольное курение вина строго наказывалось, а оборудование для него конфисковывалось: Тех людей у кого пьют и питухов имая и корчемное и неявленное питье и суды велел привозить к себе и записав то питье продавать на нас а суды отдавати на кабака голове [Ш 3: 69], У тех корчемников вино и пиво и мед и винные суды кубы и котлы и трубы вынимали [СПИИ, к. 5: 1319]. Производили обыски, изымая произведенное вино: Нашел у него Кирилла в белой горнице на печи за трубою в тусе **вина**... **вина** в том туйске с крушку или больше [КСАУ: 229]. В данном тексте зафиксированы северно-русские диалектные слова **тусес, туйсок** – названия посуды, сделанной из бересты.

Для изготовления вина требовался хмель, и в пермских документах немало текстов, в которых упоминаются хмель, хмелевые уголья, хмелевая покупка, хмелевая труска, хмелевщики: **Хмелевого уголья** на версту [Ш 2: 95], Торговые де люди и **хмелевщики** приезжают на Сылву и на Ирень торговати и хмель брать из наших из розных городов [Ш 2: 108]. Заготавливая хмель, его **драли** или **щипали**: И хмель **драть** и зверя ловить в нашей вотчине [КЗСИ: 183], Стравил я Коземка Шайдунова покос лошадыми как хмель **щипал** [КЗСИ: 92], Русские люди в той их ясаиной вотчине всякого текущего зверя и рыбу ловят и хмель **щиплют** [Ш 5₁: 560]. Обычно лексика, характеризующая хмель и его заготовку, является общерусской. Но в пермском тексте встречается слово, отсутствующее в исторических словарях до XVIII в. – **мятик**: Купил он Яким на Осе... триста пуд хмелю **мятику**

[КСАУ: 229]. Так могли называть очищенный от сора сжатый, смятый, уплотненный хмель. Оказалось, что в таком значении слово **мятик** отсутствует в словарях русского языка, хотя и отмечалось как диалектное в XVIII в., но с другой семантикой: «Обл. *От севера иногда мелкие льды, называемые мятик, наносит*» [СлРЯ XVIII в. 13: 113]. Зафиксировано оно и в северно-русских говорах XX в., но тоже как «остатки пльвущего мелкого льда: *Лед уже мятик пошел, все мятиком забило, мелкий он такой, мелкие льдинки*» [СРНГ 19: 90]. Таким образом, пермские памятники [СПП 3: 74] дополняют лексические материалы русского языка словом с незафиксированным ранее значением.

В пермских текстах определяется, каким должно быть вино: *Велено сотнику... принять в Перми на чердынские кабаки уговорного две тысячи ведр вина самого доброго пенного без пригару* [СПИИ, к. 4: 1155]. Упоминаются в документах Прикамья виды вина – **церковное** (привозное; возможно, виноградное), **горячее** (полученное путем курения), **простое** (наименее очищенное при курении): *Воску и фильяну и вина церковного и на всякую церковную утварь... жалованныя грамоты* [Ш 3: 991], *Вина горячего... середним и молодчим людям отнюдь не давать* [Ш 3: 69], *То приносное вино с кабацким простым и ввозным вином не сходно* [КСАУ: 229].

Общим названием хмельных напитков местного приготовления были слово **питье** (*К поминкам какого питья про себя сварить* [Ш 3: 69]) и, возможно, слово **пивво**: *Письмо от таможенного головы од гостя Якова Бабушкина о вымочном неявленном пивве* [РСЧ 5: 99]. Однако последнее встречается в лексической картотеке пермских памятников⁴ лишь один раз, причем в том же тексте отмечается и слово **пиво**: *Привод о вымочном неявленном пиве*.

Название **пиво** в картотеке документов Прикамья зафиксировано более 100 раз: *Дементей Володимиров сын Новоселов созвал к себе в дом меня пива пить* [КЗСИ: 1018]. Если вино курили, то пиво варили, и это отмечается в документах: *Варил де он Дружинка пиво и сваря то пиво продал рейторам* [СПИИ, к. 3: 944], *Родителей помянути канун доспети пивца сварити* [Ш 3: 33], *И в пивных бы варях и в медвяных ставках хитрости их не было* [Ш 3: 68]. В памятниках упоминаются пивоварни, пивные поварни, пивное поварнишко: *Под горою у реки Колвы на берегу кабацкая пивоварня* [Ш 2: 196], *Ему ж Петру за городом пивная поварня... да ему ж Петру под горою к речке Очеру изба кожевная да поварнишко пивное* [Ш 2: 291, 309]. Пивоварни были и городские, и монастырские, и ча-

стные, их ставили обычно на берегу реки.

Для приготовления пива был необходим солод, и в пермских текстах присутствует лексика, свидетельствующая о его производстве в монастырских, городских и частных солодовнях (**солод, солодовник, солодовня, солодощение**), и фамилии, образованные от названия его производителей (**Солодеников, Солодников, Солодовников**): *Осмина муки яшной полосмины солоду немолотого* [КСАУ: 698], *В Усолье Камском... Василей Иванов сын солодовник* [КСГ: 18 об.], *Да за мнстрем же солодовня растут в ней хлеб на мнстрский обиход* [АПМ, 61 об.], *Да за посадом на речке Усолке против города солодовня... и с солодовни оброку 31 рубль 11 алтын 4 деньги* [Ш 2: 157], *И иных всяких мелких промыслов квасу сула масла конопляного и коровья ветчинного сала солодощения... на откуп не давати* [АПМ, 158]. Вся лексика, связанная с описанием приготовления пива, является общерусской.

В единичных случаях отмечается слово **брага**: *Приехали де на большой дороге в ызбушку к Логинку и с приставы де учили брагу пить* [СПИИ, к. 3: 799]. Однако оно, как и слова **бражник, бражничать**, характерно для указов, памятей, а не для описания бытовых событий в Прикамье: *И выбрать бы к ним целовалника ис посадских людей чтоб был добр и досуж а не вор и не бражник* [СПИИ, к. 2: 708], *Чтоб чердынские ратные люди... между собою зерню не играли и не бражничали* [Ш 1: 198]. Таким образом, слова с корнем **браг-** / **браж-** отражали общее представление о пьянстве и, видимо, поэтому употреблялись в документах редко, а хмельной напиток местного приготовления называли **пивом**, а не **брагой**.

С середины XVII в. в пермских текстах есть записи об употреблении табака, причем, как и в записях о вине, отмечается государственная продажа табака и его подпольное приобретение и хранение. Привозной через Русский Север табак называли **никоцианом**: *Отпущены они в Чердынь к Соли Камской с англицкою травю никоцианом... отпустил людей своих Якушку Заворотова с товарищи к Соли Камской для продажи англичской травы никоциану* [Ш 5₂: 245]. Для курения, кроме табака, в Прикамье доставлялись различные предметы: *Табакотом торговать и табачных немецкия трубки и коробочки и иные мелочи к тому табачному куренью принадлежащие привозить* [Ш 5₂: 244]. Табак был листовым и тертым: *Посылал я кунгурского стрелецкого сына Никифора Васильева Разорвина с листовым аглинским табаком для продажи... тертого табаку в бумажках на две гривны* [КЗСИ: 246]. Деньги за продажу табаку требовалось отправлять в Москву.

Конечно, курение было недешевым удовольствием, но к нему уже тянулись люди разного достатка. И в пермских памятниках есть тексты о подпольной доставке в Прикамье **черкаского табаку**, т.е. привозимого из Черкасс, как называли тогда современную Украину: *Сведаль он Никита... воровской черкаской табак и того ж табаку он Никита у него черемисина Васьки нашел в юрте два листа [КЗСИ: 536], А которые люди приведены будут с корчемным и с черкаским табаком и тот табак велѣно у них имать в приказную полату [Ш 5₂: 277].* Привозили такой табак черкасы, т.е. жители Украины: *О выимке корчемных питей и табаку у черкас и у русских людей [РСЧ 5: 5 об.].*

Пили (т.е. курили) табак люди разных народностей и исповедания (русские, татары, черемисы – марийцы): *И тот табак у него Байметка на дороге татарин Булатко пил [КА: 179].* Подпольный табак прятали: *В вежу де черемисину Васке Кырынбаеву кунгурский стрелец Никифор Корелин табаку черкаского на полку под войлок подкинул... подкинул в веже на полку под войлок табаку воровского черкаского листа з два [КЗСИ: 536].* Доставляли государственный табак в бумажках, т.е. в бумажной упаковке, но в Прикамье его хранили в берестяных коробочках (портсигарах) – **берестах**: *У них же в доме явились травы и травное коренье да для продажи тертого табаку берест пучня... а бересты приготовил... работный их человек Иван [КСАУ: 123].* Новое явление в жизни (курение) порождало и новое производство – изготовление берест. Слово **береста** как название коробочки для хранения табака отсутствует в исторических лингвистических словарях (РИС, СлРЯ XI-XVII вв., СлРЯ XVIII в., СНРРТ, СОРЯ, СПЛСР, СРНДРС).

Итак, анализ лексики пермских памятников XVI – первой трети XVIII в. позволил выявить новые слова (**чайник с конфором**), новые диалектные значения слов (**береста, мятик**), показать употребление в Прикамье северно-русских диалектных слов (**туес, туйсок**) и уточнить семантику некоторых названий (**мед пресный**), фиксируемых в словарях.

Вместе с тем результаты исследования пермской лексики XVI-XVIII вв. позволяют раздвинуть рамки описания быта жителей Прикамья, дают более старые данные по сравнению с теми, которыми располагают этнографы (XIX-XX вв.), и позволяют разрабатывать проблемы пермской исторической этнографии, начиная с XVI в.

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке АВЦП «Развитие научного потенциала высшей школы», № 2.1.3./2175 «Лингвокультурное про-

странство Верхнего Среднего Прикамья», № 2.1.3/483 «Русская речь Пермского края: история и современность» и гранта РГНФ № 08-04-82402 а/У «Диалектный тематический словарь “Человек”».

² Примеры из памятников даются курсивом, анализируемое слово в них выделяется жирным шрифтом. Буква «ять», употреблявшаяся непоследовательно, передается как «е». В исследуемых текстах знаки препинания отсутствовали, в цитаты они не вводятся.

³ В ссылках курсивом обозначены условные сокращения названий источников, прямым шрифтом – сокращения названий в списке литературы.

⁴ В лексической картотеке пермских памятников более десяти тысяч слов и 100 тысяч словоупотреблений.

Список источников

АПМ – Акты Пыскорского монастыря. Рукопись. Архив СПб. Ин-та русской истории РАН. Коллекция 115. № 388.

ГАПК – Верхотурский свиток 1649 г. Рукопись. ГАПК. Фонд 715, опись 1, дело 2.

ДАИ – Дополнение к «Актам историческим, собранным и изданным археографической комиссией». СПб., 1846. Т. 2.

Даш – Переписные Осинские книги князя И. Дашкова 1678 г. с пояснениями В.Н.Шишонко. Копия с копии. Рукопись. ГАПК. Фонд 321, опись 1, дело 34.

К – Писцовая книга Михаила Кайсарова по вотчинам Строгановых 1623-1624 гг. // Дмитриев А. Пермская старина: Сборник исторических статей и материалов о Пермском крае. – Пермь, 1889. – Вып. 2. – С. 110-194.

КА – Кунгурские акты XVII века (1668-1699 гг.). – СПб., 1888.

КЗСИ – Кунгурская земская судная изба. Рукопись. РГАДА. Фонд 687, опись 1.

КСАУ – Кунгурские судебно-административные учреждения XVII-XVIII вв. Рукопись. РГАДА. Фонд 1015, опись 1.

КСГ – Копии соликамских грамот XVI-XVIII вв. Рукопись. Пермская государственная краевая универсальная библиотека им. А.М.Горького. Фонд редкой книги. № 61593.

Раздельная – Копия с раздельной записи 1732 г. на часть Феодоры Суровцовой. Рукопись. 1743 г. Кунгурский краеведческий музей. Тетради XVIII в. № 6.

РСК 1 – Расписные списки. Рукопись. 1696 г. РГАДА. Фонд 137, опись «г. Кунгур», единица хранения 1.

РСЧ 5 – Расписные списки. Рукопись. 1697 г. РГАДА. Фонд 137, опись «г. Чердынь». Единица хранения 5.

СПИИ – Пермские документы XVII – начала XVIII в. Рукопись. Архив СПб. Института истории РАН. Фонд 122., коробки №. 2, 3, 4, 5.

Ш 2 – Шишонко В. Пермская летопись. Второй период / В. Шишонко. – Пермь, 1882.

Ш 3 – Шишонко В. Пермская летопись. Третий период / В. Шишонко. – Пермь, 1884.

Ш 5₁ – Шишонко В. Пермская летопись. Период 5. Часть 1. – Пермь, 1885.

Ш 5₂ – Шишонко В. Пермская летопись. Период 5. Часть 2. – Пермь, 1887.

Я – Писцовая книга Ивана Яхонтова Перми Великой 1579 г. Рукопись. РГБ. Отдел рукописей. Фонд 256, дело 308.

Список литературы

Богачева М.В. Фразеологизмы в русских говорах Коми-Пермяцкого округа (на материале лексики говорения) // Живая речь Пермского края в синхронии и диахронии: материалы и исследования. Вып. 2; Перм. ун-т. Пермь, 2009а. С.31-36.

Богачева М.В. Возможности метода реконструкции в историко-лексикологическом исследовании // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2009б. Вып.3. С.42–51.

Богачева М.В. Тематический диалектный фразеологический словарь «Говорение» // Проблемы истории, филологии, культуры. Вып. 2 (24). Москва – Магнитогорск – Новосибирск, 2009в. С.494–498.

Зверева Ю.В. Наименования одежды в пермских говорах как источник этнокультурной информации // Этнолингвистика. Ономастика. Этимология: мат-лы междунар. науч. конф. Екатеринбург, 8–12 сентября 2009г. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2009а. С.95–96.

Зверева Ю.В. Тематический диалектный словарь «Человек» (по материалам пермских говоров) // Проблемы истории, филологии, культуры. Вып. 2 (24). Москва – Магнитогорск – Новосибирск, 2009б. С.498-502.

Зверева Ю.В. «Одежда для ног» в пермских говорах // Лингвокультурное пространство Пермского края. Материалы и исследования. Перм. ун-т. Пермь, 2009в. С.128-142.

Зверева Ю.В. Названия напитков в пермских говорах // Живая речь Пермского края в синхронии и диахронии: материалы и исследования. Вып.2; Перм. ун-т. Пермь, 2009г. С.71-76.

Полякова Е.Н. Лингвокультурное пространство Верхнего и Среднего Прикамья: Материалы для самостоятельной работы: Учебное пособие / Перм. ун-т. Пермь, 2009 а. 260 с.

Полякова Е.Н. Роль пермских судебных памятников письменности XVI – начала XVIII в. в изучении лингвокультурного пространства Верхнего и Среднего Прикамья // Лингвокультурное пространство Пермского края: материалы

и исследования; Перм. ун-т. Пермь, 2009 б. С.5-15.

Полякова Е.Н. Коми наследие в лексике русских говоров Пермского края // Живая речь Пермского края в синхронии и диахронии: материалы и исследования; Перм. гос. ун-т. Пермь, 2009 в. Вып.3. С.170–173.

Полякова Е.Н. Неводем неводить // История русского слова. Ономастика и специальная лексика Северной Руси: сборник науч. трудов; Волог. пед. ун-т. Вологда, 2009г. Вып.4. С.17-26.

Полякова Е.Н. Культура питания в Прикамье XVI–XVIII веков (по данным лексики и ономастики пермских памятников письменности). Статья первая // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. Пермь, 2009д. Вып.1. С.3–17.

Полякова Е.Н. Культура питания в Прикамье XVI–XVIII веков (по данным лексики и ономастики пермских памятников письменности). Статья вторая // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. Пермь, 2009е. Вып.5. С.5-15.

РИС – *Региональный исторический словарь* второй половины XVI-XVIII вв. (по памятникам письменности Смоленского края / отв. ред. Е.Н.Борисова; Смол. гос. пед. ун-т. Смоленск, 2000.

Русинова И.И. Вербальная магия в лексике русских говоров Пермского края // Живая речь Пермского края в синхронии и диахронии: материалы и исследования. Вып. 2; Перм. ун-т. Пермь, 2009а. С.201-210.

Русинова И.И. Магическая лексика в русских говорах Пермского края // Этнолингвистика. Ономастика. Этимология: материалы междунар. науч. конф. Екатеринбург, 8-12 сентября 2009 г. / [под ред. Е.Л. Березович]. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2009б. С.241–242.

Русинова И.И. Процессуальная магическая лексика в говорах Пермского края // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. Вып. 4. 2009в. С.25–32.

Русинова И.И. Магическая лексика Пермского края в лексикографическом аспекте // Проблемы истории, филологии, культуры. Вып. 2 (24). Москва – Магнитогорск – Новосибирск, 2009 г. С. 506–510.

Сироткина Т.А. Этнонимы (названия народов) в лингвокультурном пространстве Пермского края // Лингвокультурное пространство Пермского края: материалы и исследования / ред. Е.Н.Полякова; Перм. ун-т. Пермь, 2009 а. С.158-173.

Сироткина Т.А. Этническая личность в языковом пространстве региона // Филологические науки. 2009б. № 1. С.74-80.

Сироткина Т.А. Этнонимический тезаурус Пермского края: состояние и перспективы исследования // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. Серия «Филологические науки». 2009в. № 10 (44). С.66-70.

СлРЯ XI-XVII вв. – *Словарь* русского языка XI-XVII вв. М.: «Наука», 1975-2008. Вып. 1-28.

СлРЯ XVIII в. – *Словарь* русского языка XVIII в. СПб.: «Наука», 1984-2007. Вып.1-7.

СНРРТ – *Словарь* народно-разговорной речи г. Томска XVII – начала XVIII века / ред. В.В.Палагина, Л.А.Захарова. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2001.

СОРЯ – *Словарь* обиходного русского языка Московской Руси XVI-XVII вв. СПб.: «Наука», 2004-2006. Вып.1-2.

СПЛСР – *Словарь* промысловой лексики Северной Руси XV-XVII вв. / ред. Ю.И.Чайкина. СПб.: Изд-во «Дмитрий Буланин», 2003. Вып.1.

СПП – *Словарь* пермских памятников XVI – начала XVIII века: в 6 вып. / сост. Е.Н.Полякова. Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 1993-2001.

СРНГ – *Словарь* русских народных говоров. СПб.: «Наука», 1966-2008. Вып. 1-41.

СРНДРС – *Словарь* русской народно-диалектной речи в Сибири XVII – первой половины XVIII в. / сост. Л.Г.Панин. Новосибирск: «Наука», 1991.

СЯМП – *Словарь* языка мангазейских памятников XVII – первой половины XVIII вв. / сост. Н.А.Цомакион; Краснояр. гос. пед. ин-т. Красноярск, 1971.

Шкурatok Ю. А. История и этимология слова *вещица*: об одной этимологической ошибке // Лингвокультурное пространство Пермского края: Материалы и исследования / ред. Е.Н.Полякова; Перм. ун-т. Пермь, 2009. С.105–118.

Дополнительные условные сокращения

ГАПК – Государственный архив Пермского края.

РАН – Российская академия наук.

РГАДА – Российский государственный архив древних актов.

РГБ – Российская государственная библиотека.

DRINKING AND SMOKING CULTURE IN PRIKAMYE OF THE XVI-THE FIRST THIRD OF THE XVIII CENTURIES (on the lexics data of Perm written monuments)

Elena N. Polyakova

**Professor of General and Slavic Linguistics
Perm State University**

On the data of Perm written monuments of the XVI – the first third of the XVIII centuries we deal with the drinks of Prikamye region, the role of Great Perm (Cherdyn) in the Russian-Asian trade links, appearance of tea in Perm region, Prikamye importance for the wine and tobacco delivery process to Siberia, intoxicating beverage types and its production in loco, sources of tobacco. The present research adds new research materials of the XVI-XVIII centuries to the data of dictionaries of Russian lexics and supplies with the ethnographical information about Perm region of the XIX-XX centuries. It's urgent as for the history of Russian language, as well as for the ethnography of Prikamye region.

Key words: lexics; onomastics; drink; wine; bear; smoking; nikocian.